



**Дмитрий Михайлович  
МОЛЧАНОВ,**

доцент кафедры  
уголовного права

Университета имени

О.Е. Кутафина (МГЮА),

кандидат юридических  
наук, доцент

[dmmolchanov@msal.ru](mailto:dmmolchanov@msal.ru)

125993, Россия, г. Москва,

ул. Садовая-Кудринская, д. 9

## Множественность лиц в преступлении как новый институт уголовного права России

**Аннотация.** Множественность лиц в преступлении не рассматривается в российской науке уголовного права как самостоятельный уголовно-правовой институт. Необходимость рассмотрения множественности лиц в преступлении в этом качестве обусловлена тесной взаимосвязью различных видов множественности, вследствие чего требуется их комплексное изучение для выявления сущностного содержания каждого вида, определения критериев их разграничения и совершенствования механизма уголовно-правовой оценки совместной преступной деятельности. Настоящее исследование не предполагает детального исследования каждого из видов множественности лиц в преступлении и может рассматриваться в качестве теоретической постановки проблемы для дальнейшего ее изучения. Предлагается одноуровневая система классификации множественности лиц в преступлении: соучастие в преступлении, участие в преступном объединении, специальное ролевое сообщничество, двусторонние преступления, неосторожное сопричинение, прикосновенность к преступлению. Определены основные критерии дифференциации различных видов множественности лиц в преступлении.

**Ключевые слова:** множественность лиц в преступлении, соучастие в преступлении, участие в преступном объединении, специальное ролевое сообщничество, двусторонние преступления, неосторожное сопричинение, прикосновенность к преступлению.

DOI: 10.17803/2311-5998.2022.98.10.062-071

**DMITRY M. MOLCHANOV,**

Associate professor of the Department of Criminal Law  
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),

Cand. Sci. (Law), Associate Professor

[dmmolchanov@msal.ru](mailto:dmmolchanov@msal.ru)

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

### Plurality of persons in crime as a new institution of criminal law of Russia

**Abstract.** The plurality of persons in a crime is not considered in the Russian science of criminal law as an independent criminal law institution. The need to consider the multiplicity of persons in a crime in this capacity is due to the close relationship between the various types of multiplicity, as a result of which their comprehensive study is required to identify the essential content of each type, determine the criteria for their distinction and improve the

*mechanism for the criminal legal assessment of joint criminal activity. The present study does not imply a detailed study of each of the types of plurality of persons in the crime and can be considered as a theoretical formulation of the problem for its further study. A one-level system for classifying the multiplicity of persons in a crime is proposed: complicity in a crime, participation in a criminal association, special role-playing complicity, bilateral crimes, careless co-initiation, attachment to a crime. The main criteria for differentiating various types of plurality of persons in a crime have been determined. **Keywords:** plurality of persons in a crime, complicity in a crime, participation in a criminal association, special role-playing complicity, bilateral crimes, careless co-cause, attachment to a crime.*

**В** действующем УК РФ институт множественности лиц в преступлении не имеет структурного оформления. Смысловым ядром, формирующим этот новый уголовно-правовой институт, можно считать главу 7 УК РФ, которая, хотя и не содержит доскональной регламентации всех возможных вариантов взаимодействия нескольких лиц в связи с совершением преступления, тем не менее создает прочный теоретический фундамент, имеющий законодательное закрепление.

В России имеется более чем двухсотлетний теоретический опыт изучения соучастия в преступлении<sup>1</sup>. За это время сформировался устоявшийся понятийный аппарат. В то же время можно сделать вывод, что нормы главы 7 УК РФ вступают в смысловое противоречие со специальными нормами о соучастии Особенной части УК РФ. Толкование норм Общей части о соучастии высшим судебным органом РФ выводит из сферы усиления ответственности большую группу преступлений, совершаемых в соучастии.

Отдельные виды множественности лиц в преступлении либо не отражены в УК РФ (например, неосторожное сопричинение), либо отражены, однако законодатель не рассматривает их как часть уголовно-правового института множественности. В предлагаемом исследовании будет предпринята попытка теоретического обоснования факта появления в уголовном праве России института множественности лиц в преступлении.

Множественность лиц в преступлении будет рассмотрена в трех аспектах: 1) анализ законодательного инструментария; 2) выявление соотношения норм УК РФ и рекомендаций Пленума Верховного Суда РФ (а также сложившейся судебной практики), существенно изменяющих буквальный смысл закона; 3) выявление влияния научного толкования на закон и практику его применения. Это позволит понять отличие реально существующего механизма уголовно-правовой оценки от формально закрепленного в УК РФ.

Можно выделить следующие виды множественности лиц в преступлении: соучастие в преступлении, участие в преступном объединении, специальное

<sup>1</sup> Датировка приблизительная. Отсчет ведется от издания в России первого учебника уголовного права. См.: Горегляд О. И. Опыт начертания российского уголовного права. СПб. : Тип. И. Иоаннесова, 1815. Ч. 1 : О преступлениях и наказаниях вообще.



ролевое сообщничество, двусторонние преступления, неосторожное сопричтение, прикосновенность к преступлению.

Первые три вида традиционно относятся наукой уголовного права к соучастию в преступлении, хотя участие в преступном объединении и специальное ролевое сообщничество существенно отличны от соучастия.

Правила квалификации действий соучастников отражены в нормах Общей части, которые в совокупности образуют институт соучастия в его традиционном понимании. Эти нормы работают в двух направлениях: роль соучастника определяется ст. 33 УК РФ, форма соучастия регламентируется ст. 35 УК РФ. Преступления, совершенные в составе организованной группы, группы лиц по предварительному сговору или в составе группы лиц, получают уголовно-правовую оценку на основе этих общих правил. Совершение преступления с распределением ролей дает основание для правовой оценки по тем же общим правилам: требуется ссылка на определенную часть ст. 33 УК РФ для всех соучастников за исключением соисполнителей.

Число специальных норм Особенной части УК РФ, позволяющих привлекать к уголовной ответственности за совместную деятельность по совершению преступлений, постоянно растет. Они, как правило, аналогичны по содержанию тем нормам, которые включены в традиционный институт соучастия. И хотя среди таких норм можно встретить образцы дословного повторения отдельных терминов традиционного института соучастия, сами эти нормы не вполне соответствуют понятию соучастия, содержащемуся в главе 7 УК РФ.

Главным сущностным содержанием и соучастия, и участия в преступном объединении, и специального ролевого сообщничества можно считать факт объединения: два или более двух субъектов соединяют свои усилия для совершения запрещенных уголовным законом деяний. Но специальные нормы о соучастии Особенной части являются инструментом для оценки большего числа случаев взаимодействия нескольких лиц, по сравнению с возможностями института соучастия Общей части. Объясняется это тем, что, например, в ст. 205.1 УК РФ речь, казалось бы, и идет о соучастниках (подстрекатель, организатор, пособник), но пределы ответственности этих соучастников расширены (момент окончания их преступлений не зависит от того, совершил ли исполнитель оконченное преступление).

С другой стороны, мы видим, что лица, указанные в ст. 205.1 УК РФ, по внутренней сущности совершаемых ими действий являются соучастниками с исполнителем, но при этом исполнитель и соучастники отвечают по совершенно разным статьям УК РФ. Поэтому и законодательное определение соучастия (участие в совершении... преступления (единственное число)) к таким соучастникам не вполне применимо (формально они участвуют в нескольких разных преступлениях). Организация же преступных групп, руководство ими и участие в них как самостоятельные преступления вообще не охватываются понятием «соучастие»: нет участия в преступлении, ответственность наступает за сам факт объединения.

Если формализовать понятие соучастия, расширив его до соответствия и специальным нормам Особенной части, получится такое определение: *умышленное совместное участие двух и более лиц в совершении умышленного преступления, умышленное объединение в устойчивые преступные группы, умышленное совершение преступления, которое обусловлено совершением умышленного*

*преступления иным лицом (лицами) или обусловливает совершение умышленного преступления иным лицом (лицами).*

Именно таким определением охватываются все возможные варианты соучастия, как его понимает доктрина. Расширять законодательно закрепленное понятие «соучастие» нет необходимости. Но в таком случае надо рассматривать в качестве самостоятельных видов множественности лиц в преступлении *участие в преступном объединении и специальное ролевое сообщничество*, а нормы, которые позволяют регламентировать такого рода преступное взаимодействие, обозначить как *специальные нормы о соучастии*.

Под специальными нормами Особенной части о соучастии имеются в виду:

- во-первых, нормы, в которых устанавливается ответственность для разных видов соучастников<sup>2</sup>, вследствие чего квалификация их действий не требует ссылки на ст. 33 УК РФ (специальные нормы о ролевом сообщничестве). К этому же типу норм можно отнести и нормы о посредничестве в двусторонних преступлениях. Хотя посредник в преступлении и не рассматривается в ст. 33 УК РФ в качестве отдельного вида соучастника, однако можно утверждать, что посредник очень схож с пособником, хотя посредничество имеет и свои отличительные черты;
- во-вторых, нормы, запрещающие объединение нескольких лиц вне связи с каким-либо определенным преступлением, когда наказуемым становится само объединение в группу (например, ст. 208, 209, 210 УК РФ). Это второй тип специальных норм о соучастии (специальные нормы о преступных объединениях). Не следует относить к этому типу специальных норм нормы с квалифицирующими признаками (например, п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ), регламентирующими повышенную ответственность за совершение преступления при наличии одной из установленных ст. 35 УК РФ форм соучастия.

Специальные нормы о соучастии отражают ту же специфику совместной деятельности, что и традиционный институт соучастия в двух направлениях: они запрещают объединение в специфические группы (с дифференциацией ответственности участников или организаторов) либо запрещают выполнение какой-либо роли (вербовка, вооружение и пр.). Но есть и значительные отличия от норм главы 7 УК РФ.

Соучастие, по смыслу ст. 32 УК РФ, возможно только в совершении умышленного преступления. И только в том случае, если такое преступление совершается с умыслом на совместность действий. Что из этого следует? Соучастники совершают *общее для них* преступление, а значит, обычно они привлекаются по одной статье Особенной части со ссылкой, в случае распределения ролей, на какую-либо часть ст. 33 УК РФ. Если соучастники объединяются в одну из групп (ст. 35 УК РФ), такое объединение всегда должно быть обусловлено совершением в дальнейшем (либо в момент объединения, если это группа без предварительного сговора) какого-то конкретного преступления.

Для специальных норм о соучастии не требуется соответствия этим условиям. Эти нормы (например, ч. 1 или ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ) могут устанавливать

<sup>2</sup> De facto — соучастников, а de jure — исполнителей нескольких самостоятельных преступлений.



ответственность за действия, аналогичные тем, которые описаны в ст. 33 УК РФ, но, поскольку ответственность за них установлена в специальной норме Особенной части, они формально перестают быть действиями подстрекателя (организатора или пособника), а оцениваются нами как действия исполнителя иного преступления, для которого в УК РФ создан специальный состав.

Значит, если действия фактических соучастников в одном и том же умышленном преступлении получают юридическое закрепление в УК РФ в качестве действий исполнителей самостоятельных, хотя и взаимосвязанных друг с другом преступлений, мы не можем уже говорить о том, что они *умышленно и совместно участвуют в совершении умышленного преступления* (ст. 32 УК РФ), а вынуждены говорить о *двух<sup>3</sup> преступлениях, которые обусловлены действиями исполнителей каждого из этих преступлений, связанных двусторонней субъективной связью*.

Особое место в УК РФ занимают нормы о двусторонних преступлениях и о посредничестве в двусторонних преступлениях<sup>4</sup>. Посредничество сходно с соучастием, однако ни терминологически, ни по сути не должно относиться к соучастию<sup>5</sup>. Под двусторонними преступлениями предлагается понимать такие преступления, в которых преступные действия одной стороны всегда обусловлены преступными же действиями другой стороны. Каждая из сторон в таких преступлениях действует в своем интересе и, хотя действия сторон и находятся в тесной взаимосвязи, тем не менее соучастия такое взаимодействие не образует, а действия каждой стороны квалифицируются как самостоятельное преступление.

Это, например, незаконный сбыт наркотических средств (ст. 228.1 УК РФ) и незаконное приобретение наркотических средств (ст. 228 УК РФ), дача взятки (ст. 291 УК РФ) и получение взятки (ст. 290 УК РФ) и другие преступления. Эти преступления невозможно совершить в одиночку, но при этом совместность действий двух субъектов не образует соучастия.

В отличие от соучастия, где совместность в субъективной связи и в деяниях соучастников имеет направленность на единый общий результат, в двусторонних преступлениях каждая сторона реализует свою индивидуальную задачу. То есть, если проводить аналогию с видами соучастников, одна сторона по отношению к другой выступает как бы в роли пособника: продавец «помогает» приобрести, а покупатель «помогает» продать. Но главный интерес пособника в традиционном понимании — помочь исполнителю, а в двусторонних преступлениях это как бы

<sup>3</sup> В зависимости от количества иных лиц (пособников, подстрекателей, организаторов) — трех, четырех и более.

<sup>4</sup> Этот термин иногда встречается в научных исследованиях. См., например: Комментарий к Федеральному закону от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (постатейный) / И. С. Алихаджиева, Д. С. Велиева, Г. Н. Комкова [и др.] ; под ред. С. Ю. Наумова, С. Е. Чаннова. М. : Юстицинформ, 2009 (комментарий к статье 13).

<sup>5</sup> Можно заметить, что судебная практика опровергает это утверждение: встречаются разные варианты оценки действий посредника в качестве соучастника преступления, в одних случаях он признается соисполнителем, в других — пособником. Если же закон закрепляет посреднические действия в отдельном составе, то он и привлекается к уголовной ответственности как посредник.

вынужденная «помощь», поскольку без нее невозможно реализовать свои собственные задачи.

Двусторонние преступления — особый вид множественности лиц в преступлении. В таких преступлениях возможен посредник. Ни в законе, ни в судебной практике, ни в теории нет единого подхода к оценке действий посредника. В одних случаях законодатель рассматривает посредничество как самостоятельное преступление, в других случаях суды оценивают действия посредника, используя тот правовой инструментарий, который предлагает институт соучастия: как пособника или как соисполнителя в одном из двусторонних преступлений.

Само по себе взаимодействие исполнителей с каждой стороны в двусторонних преступлениях не образует соучастия в преступлении, но фигура посредника в двусторонних преступлениях вынужденно рассматривается судебной практикой, при отсутствии в Особенной части УК РФ соответствующей нормы, именно как специфическая роль соучастника. Соответственно, *de lege lata*, нормы Особенной части о посредничестве в некоторых преступлениях могут быть отнесены к числу специальных норм о соучастии.

Нормы Особенной части, устанавливающие ответственность за организацию или участие в определенной группе (ст. 208, 209, 210 УК РФ и пр.), несмотря на то, что они прямо упоминаются в ч. 5 ст. 35 УК РФ, не соответствуют понятию соучастия. Эти нормы устанавливают уголовную ответственность за создание преступного сообщества или организованной группы за участие в этих объединениях. Подготовка какого-либо преступления таким объединением не является необходимым условием для наступления уголовной ответственности. Достаточно самого факта объединения.

А значит, в данном случае речь идет не о соучастии в его традиционном понимании, а о своего рода самостоятельном многосубъектном преступлении (например, предусмотренном ч. 2 ст. 210 УК РФ) или о преступлении, которое хотя и может совершаться единолично (см., например, ч. 1 ст. 210 УК РФ), но для своего совершения всегда требует корреспондирующих действий других лиц (ч. 2 ст. 210 УК РФ).

Повышенная общественная опасность действий по объединению в преступную группу определенного рода обуславливает необходимость криминализации самих действий по объединению. Статья 208 УК РФ не требует доказывать даже цель совершения каких-либо преступлений такой группой в будущем. Достаточно лишь факта объединения, участия в такой группе и руководства такой группой.

Из определения соучастия (ст. 32 УК РФ) следует, что центром, вокруг которого объединяются соучастники («умышленное совместное участие»), является конкретное умышленное преступление («в совершении умышленного преступления»). В специальных нормах о преступных объединениях центр смещается: законодатель фокусирует внимание на самом факте объединения. Преступления же, ради которых такое объединение произошло, уходят на второй план. Они могут еще только подразумеваться как абстрактно возможные.

Можно утверждать, что в уголовном праве России, наряду с соучастием, уже фактически существуют три самостоятельных вида множественности лиц в преступлении: 1) участие в преступном объединении; 2) специальное ролевое сообщество; 3) посредничество в преступлении.



Можно выделить следующие виды множественности лиц в преступлении за рамками соучастия: 1) неосторожное сопричинение; 2) прикосновенность в виде недоносительства, попустительства, укрывательства; 3) двусторонние преступления и иные виды прикосновенности.

Нет устоявшейся классификации видов множественности лиц в преступлении. Деяние, рассматриваемое нами как один из случаев множественности лиц в преступлении, может иметь сходство с иными видами множественности лиц<sup>6</sup>.

Неосторожное сопричинение может быть двух типов. Первый тип — совместное неосторожное причинение последствий при отсутствии двусторонней субъективной связи. Второй тип сходен с соучастием: между сопричинителями есть двусторонняя субъективная связь.

Соучаствовать можно только в умышленном преступлении. Однако не имеет значения, относится ли состав такого преступления по конструкции объективной стороны к формальным или материальным. Для преступления с формальным составом сознательное и волевое усилие нескольких лиц, направленное на совершение самого деяния, образует соучастие<sup>7</sup>.

Отношение соучастников к последствиям может быть и неосторожным. Неосторожная форма вины в отношении последствий умышленного преступления не исключает ответственности всех соучастников, если само деяние соответствовало всем параметрам их договоренности<sup>8</sup>. Эту логику можно было бы распространить и на неосторожное сопричинение второго типа: совместные умышленные действия приводят к неосторожным последствиям. Разница лишь в том, и именно это существенное условие обуславливает совершенно иную правовую оценку, что при неосторожном сопричинении умышленно совершаемое деяние само по себе не является преступлением, а следовательно, умышленное совместное его совершение не имеет никакого уголовно-правового значения при отсутствии последствий.

Любые деяния нескольких лиц, совершенные умышленно и совместно, могут считаться как соучастием, так и неосторожным сопричинением. Разница в оценке определяется юридическим статусом деяния, которое они совместно решили совершить: если само деяние без последствий законодатель признает преступлением — они соучастники, если деяние становится преступлением лишь при наличии неосторожно причиненных последствий — неосторожные сопричинители<sup>9</sup>.

<sup>6</sup> Какие-либо неосторожные действия, способствовавшие совершению умышленного преступления (например, небрежное хранение оружия (ст. 224 УК РФ) можно рассматривать как иной вид прикосновенности к преступлению, который в то же время имеет черты сходства с неосторожным сопричинением.

<sup>7</sup> В зависимости от предмета сговора участвовать в совершении такого преступления они могут в любом качестве (соисполнители, организаторы, пособники, подстрекатели).

<sup>8</sup> Например, неосторожные последствия изнасилования, совершенного группой лиц, могут вменяться всем соучастникам такого преступления.

<sup>9</sup> Например, подстрекатель к нарушению правил дорожного движения (ст. 264 УК РФ) не является соучастником только потому, что само по себе нарушение правил не признается преступлением. Но если сконструировать ст. 264 таким образом, что само по себе нарушение правил уже будет являться преступлением (как, например, в ст. 264.1 УК РФ),

Формальная возможность привлечения к уголовной ответственности сопричинителей (не являющихся соисполнителями) в неосторожном преступлении существует даже в рамках действующего УК РФ. Из статьи 26 УК РФ никак не следует, что действия виновного должны находиться *в непосредственной причинно-следственной связи с наступившими последствиями*, а следовательно, значение для определения виновного отношения к последствиям имеют причинная связь действий (хотя бы и опосредованная) с последствиями и необоснованный расчет избежать этих последствий (при легкомыслии) или же долженствование и возможность предвидеть эти последствия (при небрежности)<sup>10</sup>.

Препятствием для привлечения к уголовной ответственности неосторожных сопричинителей, не являющихся соисполнителями, является не действующий уголовный закон, а сложившееся в науке уголовного права теоретическое представление о невозможности применения УК РФ к таким казусам, и судебная практика, сформировавшаяся на основе таких теоретических представлений.

Последний вид множественности — прикосновенность: совершаемое лицом деяние, хотя и имеет связь с преступлением иного лица (и может являться одним из условий его совершения), но не рассматривается как соучастие, поскольку у лица, совершившего такое деяние, отсутствует двусторонняя связь с исполнителями и иными соучастниками этого преступления, либо если совершаемое деяние не является одним из необходимых условий совершения преступления иными лицами, либо если двусторонняя связь является недостаточной, поскольку прикосновенному лицу не становятся известны существенные черты преступления, вследствие чего оно не может считаться соучастником.

В теории уголовного права прикосновенность к преступлению определяется по-разному. Многие определения сильно сужают понятие прикосновенности<sup>11</sup>. Если считать, что прикосновенность есть лишь в тех случаях, когда запрет такого деяния содержится в УК РФ, то в сферу исследовательского интереса не будут включены деяния, которые хотя и представляют значительную общественную опасность, однако не запрещены (возможно, из-за невнимательности законодателя).

Если считать, что действия, образующие прикосновенность, совершаются только умышленно, исследование не коснется неосторожных преступлений, которые могут являться необходимым условием для совершения преступлений умышленных.

Если относить к прикосновенности только такие деяния, которые способствуют совершению основного преступления, мы оставим без внимания действия иного рода: не способствующие совершаемому преступлению, а, напротив,

---

то подстрекатель вполне может нести ответственность за неосторожные последствия такого умышленного преступления. Если, например, в ст. 264.1 добавить в качестве квалифицирующих признаков неосторожное причинение тяжкого вреда здоровью или смерти, то соучастие в таких преступлениях будет вполне возможно.

<sup>10</sup> Климченко Ю. А., Молчанов Д. М. Множественность лиц в преступлении : учебное пособие для бакалавров / отв. ред. А. И. Рапог. М. : Проспект, 2019. С. 111.

<sup>11</sup> См., например: Виттенберг Г., Панченко П. Прикосновенность к преступлению по советскому уголовному праву : учебное пособие. Иркутск, 1976. С. 11.



совершаемые для извлечения собственной выгоды из преступлений, ранее совершенных (или совершаемых) иными лицами<sup>12</sup>.

Следует попытаться уделить внимание всему многообразию деяний, которые связаны причинно (по крайней мере, в качестве одного из необходимых условий) с каким-либо преступлением, но при этом не имеют отношения к иным видам множественности преступлений: соучастию, неосторожному сопричинению, двусторонним преступлениям.

Теоретические исследования, УК РФ и судебная практика позволяют выделить несколько вариантов действий или бездействия, которые могут рассматриваться как прикосновенность к преступлению.

1. То или иное деяние может считаться преступлением именно потому, что главное содержание его общественной опасности заключается в прикосновенности к другому преступлению (см., например, ст. 174, 175, 205.6 УК РФ).

2. В некоторых статьях (например, в ст. 285 или 286 УК РФ) Особенной части составы преступлений сконструированы таким образом, что хотя напрямую о прикосновенности законодатель и не упоминает, тем не менее именно прикосновенность к другому преступлению может стать фактическим основанием для привлечения к уголовной ответственности (применительно к ст. 285 или 286 УК РФ прикосновенность может быть в виде попустительства или укрывательства).

3. Общественная опасность прикосновенности может быть недооценена законодателем по причине того, что прикосновенность лишь повышает степень общественной опасности, но не составляет главного ее содержания (например, лицо наблюдает за совершением другими лицами кражи с проникновением в жилище, затем (после их ухода) решает воспользоваться тем, что доступ в жилище открыт и присоединяется к предшествующей преступной деятельности, изымая чужое имущество).

4. Прикосновенность к преступлению может быть безразлична для уголовного права либо по причине небольшой степени общественной опасности (сущностное основание), либо из-за неверной оценки законодателем реальной степени общественной опасности различных деяний, образующих прикосновенность к другому преступлению (формальное основание).

Более детальное рассмотрение каждого из представленных видов множественности лиц в преступлении, сопоставление их и выявление закономерностей для разграничения позволит создать теоретическую основу для дальнейшего изучения и совершенствования института множественности лиц в преступлении в уголовном праве России.

<sup>12</sup> Например, в п. «л» ст. 63 УК РФ совершение преступления при массовых беспорядках признается обстоятельством, отягчающим наказание. Это один из видов такого рода прикосновенности.

## БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Виттенберг Г., Панченко П.* Прикосновенность к преступлению по советскому уголовному праву : учебное пособие. — Иркутск, 1976.
2. *Горегляд О. И.* Опыт начертания российского уголовного права. — СПб. : Тип. И. Иоаннесова, 1815. — Ч. 1 : О преступлениях и наказаниях вообще.
3. *Клименко Ю. А., Молчанов Д. М.* Множественность лиц в преступлении : учебное пособие для бакалавров / отв. ред. А. И. Рарог. — М. : Проспект, 2019. — 144 с
4. Комментарий к Федеральному закону от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (постатейный) / И. С. Алихаджиева, Д. С. Велиева, Г. Н. Комкова [и др.] ; под ред. С. Ю. Наумова, С. Е. Чаннова. — М. : Юстицинформ, 2009.

